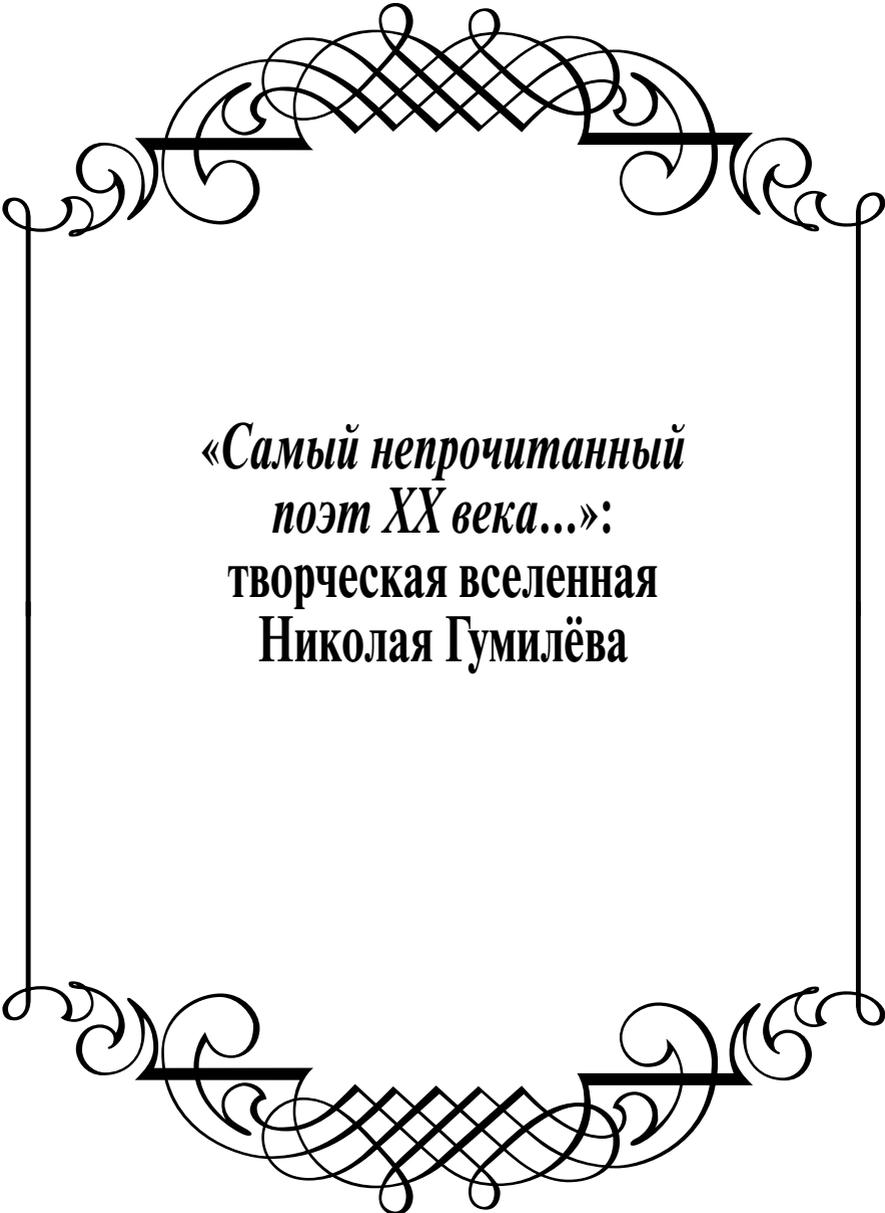

Николай Гумилёв – «ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ РОССИИ»

Коллективная научная монография
по итогам проведения в Санкт-Петербурге 15–17 апреля 2021 года
Пярых Международных Гумилёвских чтений

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2023

*«Самый непрочитанный
поэт XX века...»:*
творческая вселенная
Николая Гумилёва

Л. Н. Синельникова
(Россия, Республика Крым, г. Ялта)

«Заблудившийся трамвай» Н. Гумилёва как интегратор поэзии и политики

Политика и поэзия связаны особым образом. В определенное время эта связь может быть тесной и вербально выраженной, в других случаях ее обеспечивают интертекстуальные связи одновременных поэтических текстов с помощью аллюзивных (то есть косвенных) оценочных отсылок. В статье проведен анализ поэтических текстов, объединенных темой *трамвай*, родоначальником которой является Н. Гумилёв. Совместность поэтических средств и политических текстов в их персонифицированной именами поэтов динамике сопоставима с загадкой числа Пи, в формуле которого есть все, что уже сказано и написано и что будет сказано.

«Политика и поэзия» — тема доклада, который Зинаида Гиппиус прочитала на заседании литературного объединения Русского Парижа начала XX века «Перекресток» (1928—1937). Приведем значимую для заявленной темы часть ее выступления: «Русская поэзия всегда имела особое предназначение. Оно, это предназначение, и определило драматическую, весьма нередко и трагическую судьбу и поэзии, и всей литературы в нашем Отечестве. Не годы — века — литература играла роль парламента — единственного поприща народного волеизъявления в условиях абсолютизма, тоталитарной власти, цензуры. Поэтому горестны судьбы ее подвижников — от Пушкина, Рылеева, Некрасова, Полежаева до Твардовского. В сознании современного читателя в одном ряду стоят письма Короленко Луначарскому, «Мы живем, под собою не чуя страны...» О. Мандельштама, «Погорельщина» Н. Клюева, «Реквием» А. Ахматовой, философские откровения Бердяева, Флоренского, Вернадского и других, строки и страницы В. Некрасова, Ю. Домбровского, А. Платонова, М. Булгакова, А. Бека, Ю. Трифонова, В. Тендрякова, А. Клешенко, Арсе-

ния Несмелова, потрясающее проникновение в самую суть трагедии Гражданской войны, явленное в поэмах М. Волошина «Россия» и «Усобица». «Я обрываю этот перечень, потому что с грустью понимаю, что перед нами мартиролог». И еще: «Беру лишь главное, общее, но и его довольно, чтобы увидеть: настоящему поэту нужны атрибуты политика. Поскольку в поэте есть и политик, постольку он настоящий поэт... Важно уяснить, что слово, то есть литературное деяние, в России чаще всего, почти всегда играло роль политического поступка. Я не противоречу себе: поэзия всегда была далека от того, чтобы политизировать, — она была занята самым смыслом жизни, малейшими движениями человеческой души, добивалась эстетической полноты и композиционной безукоризненности в старинном своем ремесле. И к нашей гордости, преуспела в этом»¹.

«Атрибуты политики» в лирической поэзии проявляются особым образом: в условиях «двойной модальности» слов и образов, амбивалентная семантика которых способствует косвенной оценке политического и социального времени. Важно, что по мере увеличения интертекстуальных связей между одновременными поэтическими текстами атрибуты поэтики и политики сохраняются и укрепляются.

«Заблудившийся трамвай» Николая Гумилёва (1920 год) — уникальный пример превращения неологизмов быта в знаки многомерного бытия. Под колесами «Заблудившегося трамвая» Гумилёва, по мнению Вяч. Вс. Иванова, «разрушаются... все обычные представления о географии и хронологии»².

«Трамвайная» тема привлекала внимание многих исследователей. Основное направление исследований было связано с дешифровкой «Заблудившегося трамвая», разгадыванием интертекстуальных связей и заложенных в объемном тексте стихотворения смыслов³. Итог подвел Р.Д. Тименчик: «Вобрав в себя многие черты предшествующей культурно-бытовой феноменологии трамвая, “Заблудившийся

¹ Гиппиус Зинаида. Поэтика и политика [Электронный ресурс] [gippius.com]. URL: <https://gippius.com/doc/articles/politika-i-poeziya.html> (дата обращения: 15.08.2021).

² Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (поэтический мир Н.С. Гумилёва) // Гумилёв Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии. М.: «Художественная литература», 1990. С. 27.

³ Бурдина С.В. «Двух голосов переключка»: о дешифровке «Заблудившегося трамвая» Н. Гумилёва // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 3 (9). С. 87–90; Зобнин Ю.В. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилёва (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) // Русская литература. — 1993. — № 4. С. 176–192.

трамвай” надолго определил восприятие этого объекта городского пейзажа в отечественной словесности»⁴. Дешифровка не закончилась, и ее продолжение зависит от того, в какой точке наблюдения находится исследователь. Цитаты из «Заблудившегося трамвая» Гумилёва будут «путешествовать», оставаясь неизменными или трансформируясь, по множеству поэтических произведений последующего времени, способствуя формированию ментальной целостности, без которой невозможна продленная во времени коллективная память. Сохраняется также влияние ритма и связанного с ним синтаксиса (преимущественно экспрессивного) в организации интертекстуальных образных отсылок к стихотворению-претексту.

Уже в 1-й строфе «Заблудившегося трамвая» – особое Гумилёвское *вдруг*, являющееся знаком внезапности, неожиданности и перехода к напряженному эмоциональному состоянию:

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы —
Передо мною летел трамвай.

Семантика внезапности требует интенсивной повествовательной динамики. Отсюда – обилие глаголов движения, передающих сверхбыстрое перемещение трамвая и находящихся в нем людей (*летел, мчался, проскочили*). «Монтажный» прием позволяет в режиме кинематографической быстроты описать восприятие мелькающего, проносающегося мимо пространства (*вывеска, забор дощатый, дом в три окна, серый газон, мост, всадника длань в железной перчатке и два копыта его коня, Исакий*).

В стремительное движение трамвая «по горизонтали» сразу же включается метафизическая «вертикаль» – идет расширение «внешней географии» за счет напряженной работы мысли, совмещения автобиографических и исторических деталей, которые «размещаются» на пути условно физического движения трамвая:

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик – конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

⁴ *Тименчик Р.Д.* К символике трамвая в русской поэзии // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1987. С. 141.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
«Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?»

Синтез физического и метафизического возникает в условиях расширенного сознания лирического повествователя, использующего структуры дискурса сна. Для этого дискурса характерны актуальное настоящее, соответствующее реальному режиму восприятия, особое соотношение определенности и неопределенности лиц и объектов, быстрая смена пространственных и временных координат, передача импрессионистического потока ощущений с привлечением эпизодов из прошлого. В дискурсе сна передается стремительно движущееся время, время «второй реальности», разрешающей любую метонимику событий.

Рассмотрим стихотворения, которые приняли участие в переходе от претекста и гипертексту как ментальному межтекстовому образованию.

У В. Набокова (В. Сирина) есть два стихотворения, непосредственно связанных с именем Н. Гумилёва как прямых свидетельств величия Памяти, сохраняющей суверенные ценности отношений между поэтами: «Как я любил стихи Гумилёва!» и «Памяти Гумилёва». Но есть и стихотворение «Трамвай» (1923 год), и это тоже суверенная связь автора с поэтикой стихотворения Гумилёва:

Вот он летит, огнями ночь пробив,
крылатые рассыпав перезвоны,
и гром колес, как песнопений взрыв,
а стекла — озаренные иконы.
А спереди — горящее число
и рая обычайное название.
Мгновенное томит очарование —
и нет его, погасло, пронесло.
И в пенье ускользящего гула,
и в углубление ночи неживой
как бы зарница зыбкой синевой
за ним на повороте полыхнула.
Он пролетел, и не осмыслить мне,
что через час мелькнет зарница эта
и стрекотом, и судорогой света
по занавеске... там... в твоём окне.

Гумилёва и Набокова объединяет желание иных пространств, вера в то, что истинная жизнь – в мирах иных скоростей и иных смыслов. У Набокова те же приемы «отрыва» от трамвая как физической реалии: *крылатые рассыпав перезвоны, и гром колес, как песнопений взрыв* – все это не признаки трамвая, а знаки его восприятия. Набоковская метафора «размыкает» предмет, вводит его в другое пространство. События как таковые отсутствуют, важна лишь мимолетная фиксация ощущения от живой мысли. Если у Гумилёва – означенность женской темы через собственное имя Машенька, то у Набокова – только *твое окно*, в котором через час *мелькнет зарница эта... судорогой света по занавеске* (в метафоре «судорога света» значимо значение слова «судорога» – болезненное сокращение мышц).

Шло время, менялось восприятие мира и оценка его составляющих. *Трамвай* стал образом-мифом многих прецедентных текстов. Новые поколения поэтов воспринимают трамвай именно как *заблудившийся*, то есть в связи с известным литературным фактом и со всеми его смысловыми импликациями.

Стихотворение Ю. Левитанского «Это Осип Эмильич шепнул мне во сне...» (1994 год) открывает последний пожизненный сборник стихов поэта «Меж двух небес» (1996 год). Лирический сюжет разворачивается на фоне малоизвестного стихотворения О. Мандельштама «Нет, не спрятаться мне от великой стены...», датированного 1931 или 1935 годом. Вот этот текст:

Нет, не спрятаться мне от великой стены
 За извозчичью спину – Москву,
 Я трамвайная вишенка страшной поры
 И не знаю, зачем я живу.
 Мы с тобою поедem на «А» и на «Б»
 Посмотреть, кто скорее умрет,
 она то сжимается, как воробей,
 То растет, как воздушный пирог.
 И едва успевает грозить из угла —
 Ты как хочешь, а я не рискну!
 У кого под перчаткой не хватит тепла,
 Чтоб объездить всю курву-Москву.

Предикативную метафору «я трамвайная вишенка страшной поры» Левитанский переводит в общую память и идентичность переживаний – «мы трамвайные вишенки страшных времен»:

Это Осип Эмильич шепнул мне во сне,
а услышалось — глас наяву.
— Я трамвайная вишенка, — он мне сказал,
прозревая воочью иные миры.
Я трамвайная вишенка страшной поры
и не знаю, зачем я живу.
Это Осип Эмильич шепнул мне во сне,
но слова эти так и остались во мне,
будто я, будто я, а не он,
будто сам я сказал о себе и о нем:
— Мы трамвайные вишенки страшных времен
и не знаем, зачем мы живем.
Гумилёвский трамвай шел над темной рекой,
заблудившийся в красном дыму,
и Цветаева белой прозрачной рукой
вслед прощально махнула ему.
И Ахматова вдоль царскосельских колонн
проплыла, повторяя, как древний канон,
на высоком наречье своем:
— Мы трамвайные вишенки страшных времен,
Мы не знаем, зачем мы живем...
О, российская Муза, наш гордый Парнас,
тень решеток тюремных издревле на вас
и на каждой нелживой строке.
А трамвайные вишенки русских стихов,
как бубенчики в поле под свист ямщиков,
посреди бесконечных российских снегов,
все звенят и звенят вдалеке.

Иные миры, тень решеток тюремных — в этих семантических отсылках проявлена глубина когнитивных связей с заблудившимся трамваем, продолжающим движение по совмещенной, физической и метафизической, колее. В «трамвайном» стихотворении Ю. Левитанского угадываются черты амбивалентной модальности: «монтажное» выстраивание разновременных событий, их вольный метонимизм в условиях дискурса сна, когда «машущие», «проплывающие» люди выстраиваются в общий ряд относительно сознания, а не относительно физического движения. Осмысливая и оценивая прошлое, означенное судьбами названных по именам поэтов, Ю. Левитанский говорит о человеке в обществе, он выходит за пределы переживаний одной личности, напоминает о судьбах других людей,

чего нет в стихотворении В. Набокова, считавшего, что единственно реальным числом является единица, с двух уже начинается счет, которому не будет конца. От иномирия Гумилёва и Набокова Левитанский перевел лирическую мысль к иномерию – к меркам прошлого с позиций другого времени.

Как поразившая общество реалия трамвай уходит из поэтической культуры все более и более технизируемого времени, уходит и экзистенциальное напряжение гумилевского образа, возникшего в условиях *imprinting* (остроты первого впечатления), но главное остается: блуждание во сне и наяву, позволяющее в поэтическом сюжете размещать любые события. Стихотворение А. Кушнера «Сон» (1974 год) также сохраняет гумилевскую модальность:

Я ли свой не знаю город?
Дождь пошел. Я поднял ворот.
Сел в трамвай полупустой,
От дороги Турухтанной
По Кронштадской... вид туманный...
Стачек, Трэфелева... стой!
Как по плоскости наклонной,
Мимо темной Оборонной.
Все смешалось... не понять...
Вдруг трамвай свернул куда-то,
Мост, канал, большого сада
Темень, мост, канал опять.
Ничего не понимаю!
Слева тучу обгоняю,
Справа в тень ее вхожу.
Вижу пасмурную воду,
Зелень, темную с исподу,
Возвращаюсь и кружу.
Чья ловушка и причуда?
Мне не выбраться отсюда!
Где Фонтанка? Где Нева?
Если это чья-то шутка,
Почему мне стало жутко?
И слабеет голова?
Этот сад меня пугает,
Этот мост не так мелькает,
И вода не так бежит,
И трамвайный бег бесстрастный

Приобрел уклон опасный,
И рука моя дрожит.
Вид у нас какой-то сырый.
Где другие пассажиры?
Было ж несколько старух!
Никого в трамвае нету.
Мы похожи на комету,
И вожатый слеп и глух.
Вровень с нами мчатся рядом
Все, кому мы были рады
В прежней жизни дорогой.
Блещут слезы их живые,
Словно капли дождевые.
Плачут, машут нам рукой.
Им не видно за дождями.
Сколько встало между нами
Улиц, улочек и рек.
Так привозят в парк трамвайный
Не заснувшего случайно,
А уснувшего навек.

В стихотворении представлен заявленный названием дискурс сна, такой же, как в стихотворении Н. Гумилёва «монтаж» событий, так же много вопросительных предложений, связанных с темой блуждания и желанием соотнести физическую реальность и метафизические рефлексии. Встречаются прямые лексические отсылки к «Заблудившемуся трамваю» Н. Гумилёва: *мост, Нева, вожатый*. Правда, лирические герои по-разному попадают в трамвай: *Как я вскочил на его подножку, / Было загадкой для меня...* (Гумилёв) и *Я ли свой не знаю город? / Дождь пошел. Я поднял ворот. / Сел в трамвай полупустой* (Кушнер). В этом случае очевидно характерное для поэзии 2-й половины XX века повышение роли объективной модальности лирического нарратива. И еще. У Гумилёва – блуждание души во времени и в пространстве завершается надеждой на то, *что можно так любить и грустить*. У Кушнера – лирическому герою уже некого любить, поскольку *никого в трамвае нету, и вожатый слеп и глух*, а одинокий пассажир *уснул навек*.

Постепенно интертекстуальные включения «сворачиваются» в аллюзию – намек на знакомый образ в его частных проявлениях. Пример – стихотворение Е. Винокурова «Ребенок» (1964 год):

И вот идет по городу ребенок
 С большою, вроде тыквы, головой.
 Среди людей, автомашин, лебедек,
 Рискуя, словно на передовой.

 Жизнь города его в свою орбиту
 Ввела. Кричит кондуктор: «Не зевай!..».
 Он на минуту чувствует обиду
 И губы надувает на трамвай.
 Гудки машин ему – как звуки лютен.
 Идет на них, неведеньем храним...
 Как верует он в то, что абсолютен
 Его покой! Мы – трусы перед ним.

Совсем другая тема, и время другое, но остаются «диагностические» приметы: «тыква» – синоним слова «брюква» (у Гумилёва: *Вместо капусты и вместо брюквы / Мертвые головы продают*), «лютня» (у Гумилёва: *...услышал... звоны лютни*). И верует в некую абсолютность только несмышленный ребенок. Не мешает ли такой вере другой трамвай – трамвай Гумилёва. Нет ли в этом имплицитного противопоставления незнания ребенка и знания взрослого, у которого есть страх повторения социальных катаклизмов. И значимая параллель: у Гумилёва – *вагоновожатый*, у Кушнера – *вожатый*, у Винокурова – *кондуктор*. Смена номинаций – знак смены эпох. Но слово «вагоновожатый» (калька с немецкого *wagenführer*) – ‘управляющий движением трамвайного вагона’ – оказалось наиболее семантически заряженным. Сейчас это «подзабытое слово» находится в глоссарии устаревшей лексики, но континуальность в поэтическом творчестве не позволила «трамвайному» атрибуту переместиться в «глоссарий памяти».

Чуткость поэтов поздних поколений к Гумилёвскому тексту – факт показательный: остаются сохранными образ, слово, чувство и мысль предшественника. Гумилёвский трамвай не ограничился эпохой, бурно среагировавшей на технический прогресс. «Мистическая машина времени»⁵ сформировала некую ментальную целостность как когнитивный опыт «художественных гениев пространства» (В. Топоров). Сформировался хронотоп, в котором

⁵ *Спиваковский П.Е.* У входа. Анализ стихотворения Н.С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» [Электронный ресурс] [Слово: Православный образовательный портал]. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37243.php?ELEMENT_ID=37243&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 07.09.2021).

центральное место занимает память, в том числе память о времени, забыть которое не представляется возможным. Потенциал поэзии в ее способности интегрировать прошлое в настоящее и определять горизонты будущего безграничен. Поэтические аллюзии — это прежде всего проблема поэтики. Но, как показывают наблюдения, поэтику и политику связывает не только звуковая аттракция, а нечто неизмеримо большее. «А ведь поэзия и политика — это родные сестры, не догадывающиеся о своем родстве. Я бы рискнул сказать, что они не догадываются и о своем вечном соперничестве»⁶.

В 2017 году исполнилось 118 лет со времени начала движения трамвая в городе. В Москве прошел парад трамваев-раритетов. Но поэтический «парад» трамваев не имеет ограничений ни во времени, ни в пространстве. Ни одно из транспортных средств: поезд, автобус, электричка — не может соперничать с *трамваем* в его продленном движении к глубинам истории и исторической памяти.

Статья Лилии Бельской «Как “заблудившийся трамвай” превратился в “трамвая-убийцу”»⁷ заканчивается словами: «Исчерпан ли “миф о трамвае”? Кто знает...». Есть все основания спустя 23 года после написания этой статьи оставить вопрос в силе. Причина в том, что трамвай не просто уходящее транспортное средство городской жизни, а что-то неизмеримо большее: в современной терминологии это концепт, вмещающий ряд значимых признаков не столько личного времени (времени лирического повествователя и биографического времени автора), но и философского и исторического. А это уже другой уровень памяти. Вот здесь-то и уместно обращение к загадке числа Пи. Число Пи — иррациональное и трансцендентное; такое число не вычисляется путем простых уравнений и не имеет окончательной (завершенной) формулы — в этом и состоит загадка и даже «леденящая тайна»⁸ числа Пи. Любая последовательность цифр в десятичных знаках числа обязательно найдется. Найдутся и книги, которые уже написаны и которые еще будут написаны. Нет сомнений, что *трамвай* нашел свое место в пространстве дискурса Пи, вобравшего на равных прошлое, настоящее и будущее.

⁶ Злотников Натан. Поэзия и политика [Электронный ресурс] [www.sochuroki.com]. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php? ID=200402303> (дата обращения: 11.11.2021).

⁷ Бельская Лилия. Как «заблудившийся трамвай» превратился в «трамвая-убийцу» // Русская речь. — 1998. — № 2. С. 30.

⁸ Старохамская К. Ю. В чем леденящая тайна числа Пи? [Электронный ресурс] [Школа жизни. Ру. Познавательный журнал]. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/14621/> (дата обращения: 21.11.2021).